

УДК 811.161.1

**ИДЕЯ И.Г. ДОБРОДОМОВА
ОБ УМЛАУТНОМ ПРЕОБРАЗОВАНИИ
ДРЕВНЕРУССКИХ ГЛАСНЫХ ФОНЕМ <e> И <ě>**

Курулёнок А.А.

В статье речь идёт о системном подходе к изучению истории древнерусских гласных фонем <e> и <ě>. Она рассматривается с позиций идеи умлаутного преобразования, высказанной профессором Московского педагогического государственного университета И.Г. Добродомовым (1935-2022). Это приводит к новому пониманию некоторых историко-фонетических процессов в русском вокализме, в частности в зонах переднего ряда и среднего подъёма. Утверждается, что в русском языке старая фонема <e> исчезла, а старая фонема <ě> сохранилась. Последняя количественно и качественно усилилась за счёт дефонологизации первой.

Ключевые слова: И.Г. Добродомов, умлаут, велярная силлабема, палатальная силлабема, фонема <e>, фонема <ě>.

**IGOR DOBRODOMOV'S IDEA ABOUT THE UMLAUT
TRANSFORMATION OF OLD RUSSIAN VOWEL
PHONEMES <e> AND <ě>**

Kurulyenok A.A.

The article deals with a systematic approach to the study of the history of the Old Russian vowel phonemes <e> and <ě>. It is considered from the standpoint of the umlaut transformation idea, expressed by Igor Dobrodomov (1935-2022), professor of the Moscow Pedagogical State University. This leads to a new understanding of some historical and phonetic processes in Russian vocalism, in particular in the front row and middle rise zones. It is claimed that in the Russian language the old phoneme <e> has disappeared, and the old phoneme <ě> has been preserved. The phoneme <ě> has been quantifiably and qualitatively strengthened due to the defonologization of the phoneme <e>.

Keywords: Igor Dobrodomov, umlaut, velar syllabeme, palatal syllabeme, phoneme <e>, phoneme <ě>.

21 октября 2022 года не стало доктора филологических наук, почётного профессора Московского педагогического государственного университета Игоря Георгиевича Добродомова (1935-2022). Автор статьи общался с Игорем Георгиевичем во время обучения в аспирантуре Московского педагогического государственного университета, когда тот заведовал кафедрой общего языкознания филологического факультета. Игорь Георгиевич оказал большое влияние на содержание и выводы наших научных разысканий, его разнообразная поддержка чувствовалась на протяжении всех лет знакомства.

И.Г. Добродомов в своих размышлениях по русской исторической фонетике отталкивается от соображений В.Н. Сидорова (1945), которые касались одной из сложнейших проблем истории русского языка – вопроса о древнерусском переходе <e> в <o>, в частности об условиях начала этого перехода [5, с. 4-5].

Развивая и пересматривая взгляды В.Н. Сидорова, И.Г. Добродомов обратил особое внимание на вопросы механизма, хронологии и результатов преобразований древнерусских фонем <e> и <ě> [см.: 6; 7; 8; 9]. Напомним: исконной реализацией фонемы <e>, которая в древнерусских текстах обозначалась буквой ѣ, был открытый звук [e]; обозначавшаяся буквой ѣ фонема <ě> имела исконную реализацию в закрытом звуке [ê].

Главная идея И.Г. Добродомова в исторической фонетике заключается в системном изучении тех явлений, которые традиционно в русском языкознании рассматривались изолированно: переход <e> в <o> после мягких согласных, так называемая нейтрализация <e> и <ě> между мягкими согласными.

При системном подходе учитываются все реализации фонемы в древнерусском языке, тогда как в русской исторической фонетике подавляющее большинство учёных рассматривают положение гласной <e> только перед твёрдым согласным, и лишь некоторые исследователи

обращаются к её позиции перед мягким согласным. Взаимосвязанное рассмотрение истории старых фонем <e> и <ě> обосновано и тем, что в результате своего развития вместе они образовали современную фонему <e>, которая сейчас выступает в аллофонах [é] и [e], обусловленных позицией, и чередуется с фонемой <o>.

Кроме того, изменения гласных <e> и <ě> объясняются И.Г. Добродомовым с позиций межслоговой регрессивной ассимиляции, которая по механизму своего осуществления напоминает германский умлаут: это фрагменты системного исторического преобразования русского переднерядного вокализма под действием умлаута, о котором, по словам учёного, в русской исторической фонетике говорилось недостаточно.

Примечательно, что ряд учёных, таких как А.Х. Востоков (1808), Г. Павский (1841), Ф.Ф. Фортунатов (1915), усматривали в переходе <e> в <o> действие межслогового сингармонизма и объясняли произношение [o] на месте [e] зависимостью от непереднего гласного последующего слога. В 1923 г. Е.Д. Поливанов в общих соображениях о переходе <e → o> рассуждает об умлауте язычной работы – регрессивной ассимиляции по ряду гласных, разделённых согласными [10, с. 120-121]. По словам И.Г. Добродомова, замечание Е.Д. Поливанова об умлауте осталось неучтённым в русском языкознании [см.: 5]. Получается, во время перехода <e> в <o> происходило не воздействие на гласный <e> последующего твёрдого согласного (в соответствии с традиционным пониманием), а взаимодействие гласного переднего ряда <e> с последующим гласным заднего ряда и передвижение гласного переднего ряда <e> в зону заднего гласного <o>.

Идея о регрессивном уподоблении гласных в соседних слогах как об основной движущей силе в переходе <e> в <o> расширяет хронологические рамки этого процесса. Вероятно, он происходил до падения редуцированных гласных ѣ и ѓ, но не раньше, чем произошло смягчение полумягких согласных: иначе стоявший перед гласным [e] полумягкий согласный становился бы твёрдым после того, как [e] изменился бы в [o].

Изменение <e → o> началось в эпоху вторичного смягчения согласных, когда в системе функционировали нерасчленённые сочетания согласной с последующей гласной, которые Р.И. Аванесов назвал силлабемами [1, с. 41-57]: одна из них – велярная, в которой сочетались твёрдый согласный и гласный непереднего ряда, другая – палатальная, которая представляла сочетание мягкого согласного и гласного переднего ряда.

В эпоху силлабем сложились наиболее благоприятные условия для осуществления межслоговой ассимиляции: перед гласным непереднего ряда следующей велярной силлабемы гласный [e] подвергался ассимиляции по ряду, переходил в непереднюю зону образования и изменялся в звук [ˈo]: [ж'е-ны] (форма им. п. мн. ч.) → [ж'о-ны], [в'е-ль] (форма пр. вр. м. р.) → [в'о-ль]. В результате исконное противопоставление гласных <e> ~ <o> по ряду утрачивалось.

Фонетическое преобразование [e] в [ˈo], начавшись в эпоху силлабем, имело продолжение после падения редуцированных ъ и ь уже при изменившихся условиях. Разрушение системы силлабем привело к прекращению действия умлаута и утрате позиционного условия изменения [e] в [ˈo] перед велярной силлабемой. Например: медь (совр. мёд) – [м'е-дь] → [м'о-дь] → [м'от] – это слово стало представлять один закрытый слог [м'от], в котором умлаутное преобразование уже не могло происходить. Вследствие формирующейся после падения редуцированных фонологической категории согласных по твёрдости / мягкости на гласный [e] теперь воздействует не гласный заднего ряда в следующей велярной силлабеме, а следующая согласная. Переход <e> в <o> продолжился перед твёрдым согласным – рефлексом велярной силлабемы. Такое понимание схоже с мыслями В.Н. Сидорова, который, однако, высказал их, рассуждая о причинах изменения <e> в <o>: «Воздействие согласного на предшествующий гласный легче могло осуществиться в пределах одного слога, что могло иметь место в закрытых слогах, образовавшихся в результате падения редуцированных; с этих слогов и начинается процесс, распространяясь затем и на открытые слоги» [12, с. 3-4].

Именно на этот тезис В.Н. Сидорова обратил внимание И.Г. Добродомов и развил его до выдвижения идеи о процессах межслогового взаимодействия в истории старой фонемы <e>.

Полное понимание истории древнерусской фонемы <e> может сложиться только тогда, когда с позиций умлаутного преобразования будет рассмотрено фонетическое поведение этой гласной сначала перед палатальной силлабемой, а затем перед мягким согласным. Историками русского языка отмечалась нейтрализация открытой фонемы <e> с закрытой фонемой <ě> ([*ě*]) в результате изменения <e> в этом положении. Древнерусское изменение [*e* → *ě*] они рассматривали как обусловленное воздействием последующего мягкого согласного, вместе с тем явление это описывалось лишь в контексте определения судьбы фонемы <ě>.

Открытие так называемого «нового ятя» – звука [*ě*], который появился перед мягким согласным вместо древнерусского звука [*e*] в результате падения редуцированных, связано с именем А.И. Соболевского [13, с. 50-51]. А.А. Шахматов также писал о совпадении *e* и *ě* перед мягким согласным. На особые фонетические изменения, которым подвергалась фонема <e> под ассимилирующим воздействием последующих мягких согласных, указывали В.В. Виноградов, К.В. Горшкова, В.В. Иванов: эта гласная получала закрытый характер, и возникала нейтрализация фонем <ě> и <e>.

В 1902 г. Л.Л. Васильевым было сделано описание языка Новгородского Евангелия XIV в. Учёный определил, что употребление в тексте **ѣ** вместо **є** почти исключительно «перед мягким слогом» свидетельствует о приближении фонемы <e> к закрытой гласной <ě> [3, с. 152-168]. А в словах *тѣмно*, *неправѣдный*, *неправѣдному* и т.п. «новый» **ѣ** употребляется на месте **є** перед зубной или губной согласной, за которой следует твёрдая зубная: гласная <e> этимологически находилась здесь перед исконно мягкой зубной или губной, за которыми позже выпала смягчившая их редуцированная гласная переднего ряда **ь** [12, с. 56]. Это наводит на мысль о том, что изменение [*e*] в [*ě*] началось

в то время, когда ещё сохранялся редуцированный **ь**, возможно, в эпоху силлабем.

В период функционирования силлабем наряду с умлаутным преобразованием гласной <e> перед велярной силлабемой происходило аналогичное изменение <e> и перед палатальной силлабемой, где она подвергалась ассимиляционному воздействию со стороны других гласных переднего ряда, но более высокого подъёма, она приближалась к ним, т.е. «повышалась»: **мечь** (совр. *меч*) – [м'е-ч'ь] → [м'ê-ч'ь]. Звук [e] среди других гласных ([i], [ê], [ь]) в зоне переднего образования был самым низким – повышаясь, в своей новой закрытой реализации [ê] перемещался в зону, в которой этимологически функционировала фонема <ě>. Происходила ассимиляция гласного [e] по признаку подъёма и совпадение приобретённого им звучания [ê] с исконной реализацией древнерусской фонемы <ě>.

Изменение [e → ê], как и переход [e → ʼo], продолжилось после падения редуцированных, когда палатальные силлабемы исчезли ([м'ê-ч'ь] → [м'êч']) и преобразование гласной <e> осуществлялось уже в пределах закрытого слога под влиянием следующего мягкого согласного – рефлекса палатальной силлабемы [12, с. 69].

После утраты редуцированных гласных **ь** и **ь** твёрдые или мягкие согласные, после которых когда-то употреблялись эти гласные, стали выступать на конце нового закрытого слога. Именно качество последующего согласного (твёрдость / мягкость) воспринималось впоследствии как причина преобразований предшествующей гласной <e>. Когда сложилась независимая категория согласных по твёрдости / мягкости, это влияние было распространено и на открытые слоги.

Историки языка справедливо замечали, что перед мягким согласным изменению подвергалась именно фонема <e>: в произношении она совпадала с фонемой <ě>, а сама <ě> оставалась без изменения. Однако необходимых выводов они не делали, более того, часто говорили об обратном: сближение этих фонем ошибочно интерпретировалось как исчезновение древнерусской

фонемы <ѣ> в результате её нейтрализации с фонемой <е> (ведь утрачивалось исконное противопоставление гласных <е> ~ <ѣ> по подъёму).

Преобразование [e → é] перед мягким согласным следует рассматривать в контексте истории древнерусской фонемы <е>. Р.И. Аванесов замечал, что вывод о совпадении фонемы <ѣ> с фонемой <е> основан «на сопоставлении соответствующих фонем вне их употребления в определённых позициях, без учёта функциональной стороны» [2, с. 129-130], и говорил о неполноценности фонемы <е>. Действительно, фонемы <е> и <ѣ> совпали перед мягким согласным – в позиции, которая в фонологии традиционно считается слабой. В то же время перед твёрдым согласным эти гласные имели различную реализацию: фонема <е> в этом, также слабым для неё положении, изменилась в <о> (*сѣла* [с'ела] – *сѣла* [с'ола]), а сама фонема <ѣ> перед твёрдым согласным долго оставалась без изменения и выступала в закрытом звуке [é].

Положение перед мягким согласным нельзя считать слабым для фонемы <ѣ>, потому что она здесь не меняла своего исконного качества закрытости и находилась в сильной позиции: **мѣдь** [м'éd'ь], **сѣть** [с'ét'ь], **на сѣнѣ** [на с'én'é]. Очевидно, что эта позиция оказалась слабой для фонемы <е>: её новый закрытый звук оказался близким или даже фонетически тождественным основной характеристике фонемы <ѣ>. Получается, что перед палатальной силлабемой фонема <ѣ> получила количественное усиление за счёт трансформации в этом положении фонемы <е>, которая в итоге была втянута в фонему <ѣ>.

Фонетические изменения древнерусской фонемы <е> первоначально были обусловлены действием межслоговой ассимиляции, а затем её функциональные преобразования проходили на фоне развития всей фонетической системы русского языка. Они начались в эпоху силлабем и проходили на аллофонном уровне, когда <е> претерпевала дивергенцию на обусловленные позицией звуки [o] и [é]. История этой фонемы заканчивается уже после падения редуцированных, когда произошли фонемные конвергенции с гласными <о> и <ѣ>. Использование терминов *дивергенция* и *конвергенция* в

этом вопросе тоже стало возможным благодаря размышлениям И.Г. Добродомова, который в свою очередь обратил внимание на теорию Е.Д. Поливанова о фонетических дивергенциях и конвергенциях [11, с. 77-83]. Результаты дивергентно-конвергентного развития древнерусской фонемы <e> обнаруживаются и в современном русском языке, в котором её рефлексы – звуки [ˈo] и [ɛ], этимологически принадлежат другим древнерусским фонемам – <o> и <ѣ>. Получается, все позиции для гласной <e> были слабыми, ни в одной из них она не сохранила своей исконной реализации в открытом звуке [e]. Таким образом, история древнерусской фонемы <e> завершилась её полной дефонологизацией в системе русского вокализма.

Длительное время в исконно русских словах отсутствовал открытый звук [e]. Его «возрождение» в истории русского языка и функционирование в современной фонетической системе связано с развитием древнерусской фонемы <ѣ>, которая вобрала в себя и часть исторических реализаций древнерусской фонемы <e>.

Развитие древнерусской фонемы <ѣ> следует рассматривать в тесной связи с историей и утратой древнерусской фонемы <e>. Изменения, коснувшиеся фонемы <ѣ>, происходили уже после дефонологизации гласной <e>: если бы фонема <ѣ> начала изменяться раньше, т.е. в период преобразований фонемы <e>, то перед велярной силлабемой она бы разделила судьбу фонемы <e> и изменилась бы, например, в гласный заднего ряда. Но в русском литературном языке подобного не произошло.

В современном русском литературном языке рефлексы древнерусской фонемы <ѣ> свидетельствуют о том, что в своей истории она претерпела незначительные изменения. В результате своего развития фонема <ѣ> стала реализовываться в двух аллофонах: перед мягким согласным она выступает в *закрытом* звуке [ɛ] ([в'ѣр']ь, с[в'ѣт']ик, на [с'ѣн']е), а перед твёрдым согласным – в *открытом* звуке [e] ([в'ер]а, с[в'ет], [с'ен]о). Очевидно, что древнерусская фонема <ѣ> перед мягким согласным сохранила свою исконную закрытую реализацию [ɛ] и тем самым осталась без изменения. Частичная

трансформация гласной <ѣ> произошла только в одной позиции – перед твёрдым согласным: она заменила исконный закрытый звук [ɛ́] на открытый [e] в результате артикуляционного воздействия последующего твёрдого согласного. А такое изменение, как известно, могло произойти только в период после падения редуцированных, когда стало возможно регрессивное влияние следующего согласного на предшествующий гласный.

Благодаря новой реализации в открытом звуке [e] перед твёрдым согласным фонема верхне-среднего подъёма <ѣ> частично заняла место исчезнувшей средней фонемы <е>, расширив зону своего звукового распространения: теперь она выступает и в звуке среднего подъёма [e], который когда-то представлял исчезнувшую фонему <е>.

Новый открытый аллофон фонемы <ѣ> не совпал с открытой фонемой <е>, поскольку последняя в этой же позиции изменилась по ряду и совпала с фонемой <о>. Новый звук [e] являлся аллофоном фонемы <ѣ>, он только *фонетически* восполнил утратившуюся фонему <е>, и это не может свидетельствовать о её фонемном возрождении.

Фонема <ѣ> оказалась устойчивой и сохранилась в русском литературном языке как особая фонологическая единица, которая испытала частичную модификацию в результате аллофонной дивергенции: при сохранении основной реализации в закрытом звуке [ɛ́] в позиции перед твёрдым согласным она приобрела открытый аллофон [e], который в прошлом был основной реализацией утратившейся фонемы <е>.

Таким образом, в истории русского языка древнерусская фонема <е> перестала существовать, а древнерусская фонема <ѣ>, поглотившая <е> перед мягким согласным, сохранила свою исконную закрытую разновидность в этой позиции, частично модифицировалась перед твёрдым согласным и приобрела новую открытую реализацию, благодаря чему заняла место исчезнувшей фонемы <е>.

Высказанные соображения совпадают и с выводами И.Г. Добродомова, сделанными им в результате системного изучения истории старых фонем <е> и

<ě>, которое было во многом основано на историческом осмыслении современных реализаций фонемы <e> и её чередования с фонемой <o>. Он объединил данные русской исторической фонетики с фактами современной фонетики и показал, что проблемы сегодняшнего описания фонетической системы и изучения её исторического развития тесно взаимосвязаны.

В связи с этим требует пересмотра и характеристика гласной <e> в современном русском языке, где основной разновидностью этой фонемы считается открытый звук [e] благодаря распространённому мнению о том, что позиция перед твёрдым согласным для неё является сильной.

В современном определении фонемы <e> не учитывается история. И.Г. Добродомов отмечает, что сильной позицией для фонемы является та, в которой она в своей истории не подвергалась изменениям [4, с. 107]. Исторически осмысленное понимание любой современной фонемы дополняет её традиционное определение: основной считается такая разновидность фонемы, которая в современном русском языке не является обусловленной позицией и в своей истории не подверглась каким-либо изменениям.

Современная фонема <e> – это частично *модифицированная* древнерусская фонема <ě>, которая теперь имеет две разновидности: исконную закрытую реализацию перед мягким согласным [ě] и открытую реализацию перед твёрдым согласным [e]. С исторической точки зрения основной для неё является закрытая разновидность [ě], которая и сейчас реализуется перед мягким согласным. Открытая разновидность не является исконной, более того, она восходит к той же древнерусской фонеме <ě> в результате приобретения ею нового звучания в позиции перед твёрдым согласным. Отметим, что Л.В. Щерба и Е.Д. Поливанов высказывали мысль о закрытом характере современной фонемы <e>, что находит своё объяснение в историческом развитии этой гласной.

Утверждение о сохранении древнерусской фонемы <ě> перед мягким согласным позволяет пересмотреть традиционные взгляды и определить в качестве исторически сильной для современной фонемы <e> позицию именно

перед мягким согласным, в которой она сохраняет своё исконное качество, продолжая реализовываться в закрытом звуке. Поэтому *основной разновидностью современной фонемы <e> следует считать закрытый аллофон [ê], а не открытый аллофон [e].*

Системное описание взаимодействия гласных фонем в истории русского языка, а также историческое осмысление современного состояния русской вокалической системы предлагают альтернативное решение традиционных проблем исторической и современной фонетики и позволяют в единстве осветить явления, которые обычно рассматриваются отдельно друг от друга.

Идеи и соображения И.Г. Добродомова по вопросам русской исторической фонетики до сих пор сохраняют значение стимула и обладают собственной динамикой, получают доработку в исследованиях учеников, дополняются новыми соображениями других авторов и продолжают своё развитие, приобретая новую значимость. Научные исследования Игоря Георгиевича имеют несомненную важность, они обращают на себя внимание и продолжают другими учёными, обеспечивая развитие научной лингвистической мысли.

Список литературы:

1. Аванесов Р.И. Вопросы фонетической системы русских говоров и литературного языка // Русская литературная и диалектная фонетика. М.: Просвещение, 1974. С. 119-142.
2. Аванесов Р.И. Из истории русского вокализма. Звуки I и Y // Вестник Московского университета. 1947. № 1. С. 41-57.
3. Васильев Л.Л. Новгородское Евангелие Имп. Публ. библ. и его западнорусские вкладные // Русский филологический вестник. 1902. Т. 40. № 1-2. С. 152-168.
4. Добродомов И.Г. Ещё раз об исторической памяти в языке // Вопросы языкознания. 2002. № 2. С. 103-108.

5. Добродомов И.Г. История одной идеи В.Н. Сидорова // IX Житниковские чтения: Развитие языка: стихийные и управляемые процессы. Челябинск: Энциклопедия, 2009. С. 3-13.

6. Добродомов И.Г. К вопросу об условиях перехода *e* в *o* в древнерусском языке // Материалы межвузовской конференции. Фонологический сборник. Донецк: Изд-во ДГУ, 1968. Вып. 2. С. 87-91.

7. Добродомов И.Г. Куда девалась фонема *ѣ* в русском языке // Соотношение синхронии и диахронии в языковой эволюции. М.; Ужгород: [б.и.], 1991. С. 74-76.

8. Добродомов И.Г. О переходах *e* в *o* в русском языке // Проблемы общего и русского языкознания: Сборник статей. М.: [б.и.], 1972. С. 172-181.

9. Добродомов И.Г. Роль внутренних и внешних факторов в развитии фонологической системы языка // Материалы межвузовской конференции. Фонологический сборник. Донецк: Изд-во ДГУ, 1968. Вып. 2. С. 84-87.

10. Поливанов Е.Д. Причины происхождения Umlaut'a // Сборник Туркестанского восточного института в честь проф. А.Э. Шмидта. Ташкент: [б.и.], 1923. С. 120-123.

11. Поливанов Е.Д. Фонетические конвергенции // Вопросы языкознания. 1957. № 3. С. 77-83.

12. Сидоров В.Н. Из истории звуков русского языка. М.: Наука, 1966. 157 с.

13. Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка / Предисл. В.К. Журавлева, И.В. Журавлева. Изд. 5-е, стереотипное. М.: УРСС, 2005. 309 с.

Сведения об авторе:

Курулёнок Андрей Александрович – кандидат филологических наук, доцент, независимый исследователь (Новосибирск, Россия).

Data about the author:

Kurulyenok Andrey Aleksandrovich – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Independent Researcher (Novosibirsk, Russia).

E-mail: kurulenok@yandex.ru.